

УДК 616.895.71.8:165.2

Бойченко А.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ВИКТИМИЗАЦИИ БОЛЬНЫХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ «СУЩНОСТЬ» И «ЯВЛЕНИЕ»*Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, ДНР*

Психиатрия за весь период своего существования последовательно реализовывала свое медицинское предназначение и, как правило, игнорировала достижения гуманитарных наук, в т.ч. философии. Психиатрия является не только естественнонаучной, но и гуманитарной дисциплиной, поскольку объектом ее познания является «душа» человека. В отличие от естественных наук, которые изучают объективно существующую природу, психиатрия изучает внутренний, субъективный психологический мир человека, его наиболее «человечные», гуманистические свойства, что позволяет провести аналогию с философией и, как следствие, обратиться к методологии философской науки [1].

Синтез философского диалектического метода с клиническим медицинским знанием позволяет объективно и всесторонне рассмотреть компоненты, характер связей и отношений в рамках феномена виктимизации больных параноидной шизофренией, проследить направленность и динамику их взаимодействий.

Категории являются универсальными объективными формами мышления и бытия. Понятия, обозначающие категории, составляют существенную часть научного словаря философии. Без использования идей существования, причины и цели, возможности и действительности, объективного и субъективного, сущности и явления, а также других понятий, обозначающих логико-онтологические категории, философский дискурс невозможен. Изучение категорий, поскольку они являются сутью формы мышления, представляет собой логику, изучающую мышление, разум, его возможности [2-10].

Сущность и явление – категории философского дискурса, которые характеризуют устойчивое, инвариантное в отличие от изменчивого, вариативного.

Сущность – это внутреннее содержание предмета, его суть, выражающаяся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление же – это то или иное обнаружение предмета, внешние формы его существования. В мышлении эти категории выражают переход от многообразия изменчивых форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию [4, 5]. Постижение сущности предмета и содержание понятия о нем составляют задачи науки, в т.ч. и психиатрии.

В античной философии сущность представлялась, как «начало» понимания вещей и вместе с тем – как источник их реального генеза, а явление – как видимый, изменчивый образ вещей или как то, что существует лишь «по мнению». Согласно Демокриту, сущность вещи неотделима от самой вещи и производна от тех атомов, из которых она составлена [4, 5]. По Платону, сущность («идея») несводима к телесно-чувственному бытию; она имеет сверхчувственный нематериальный характер, вечна и бесконечна [11]. Аристотель понимает под сущностью вечный принцип бытия вещей [12]. Сущность постигается в понятии. У Аристотеля, в отличие от Платона, сущность («форма вещей») не существует отдельно, помимо единичных вещей. В средневековой схоластике проводится различие между сущностью (essentia) и существованием (existentia). Каждая вещь – это существо сущности и существования. Сущность характеризует quidditas (что есть) самой вещи. Так, согласно Фоме Аквинскому, сущность – то, что выражается в дефиниции, которая объемлет родовые основания [4, 5, 9, 10]. Сущность вещи состоит из общей формы и материи в соответствии с родовыми основаниями. Вместе с тем аристотелевское различие формы и материи приобретает

у него иной смысл, поскольку сущность определяется через ипостась и через лицо, т.е. наполняется теологическо-креационистским содержанием [4].

Б. Спиноза рассматривал сущность как «то, без чего вещь и, наоборот, что без вещи не может ни существовать, ни быть представлено» [13]. Дж. Локк называет сущностью реальное строение вещей, внутреннюю структуру, от которой зависят познавательные свойства, проводит различие между номинальной и реальной сущностью [14]. Г.В. Лейбниц называет сущностью возможность того, что полагают и выражают в дефиниции [15]. В философии Нового времени противопоставление сущности и явления приобретает гносеологический характер и находит свое выражение в концепции первичных и вторичных качеств. И. Кант, признавая объективность сущности, считал, что сущность характеризует устойчивые необходимые признаки вещи; явление [16]. Преодолевая противопоставление сущности и явления, Г. Гегель утверждал, что сущность является, а явление есть явление сущности, рассматривая их как рефлексивные определения, как заключающие понятия, как абсолютное, выразимое в существовании [17-18].

Явление включает в себя не только обнаружение внутреннего содержания, существенных связей объекта, но и всевозможные случайные отношения. Явления динамичны, изменчивы, в то время как сущность определяет нечто, сохраняющееся во всех изменениях. Но будучи устойчивой по отношению к явлению, сущность также подвержена изменениям. Теоретическое познание сущности объекта связано с раскрытием законов его функционирования и развития. В.И. Ленин характеризовал развитие человеческого познания таким образом: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. без конца» [19].

В современной литературе, указываются следующие основные свойства категорий [4]:

- объективность категорий;
- универсальность категорий;
- априорность категорий;
- категории как формы мышления;
- категории и язык;
- способы использования категорий.

В рамках современных эмпирических моделей развития шизофрении принято выделять разнообразные хронические изменения личности, причиной которых может являться факт переживания последствий тяжелой психической болезни, психиатрического диагноза, госпитализации в психиатрический стационар, реакции и предубеждений социального окружения. Совокупность стигматизирующих переживаний, их деструктивный характер и своеобразная деформация личности этой когорты больных является отражением фактического формирования у них т.н. «синдрома виктимизации», отражающего сложный многофакторный процесс виктимогенеза, т.е. превращения их в жертв неблагоприятных условий. Под социализацией следует понимать развитие человека на протяжении всей его жизни во взаимодействии с окружающей средой в процессе усвоения и воспроизведения социальных норм и культурных ценностей, а так же саморазвития и самореализации в том обществе, к которому он принадлежит [20].

Сущность — это главное, основное, определяющее в предмете, это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития объекта. Лингвистически слово «сущность» образовано из «сущего», однако реальный смысл сущности проще выражается понятием «существенное», что означает важное, главное, определяющее, необходимое, закономерное.

Виктимизация, как сущность, представляет собой психологические механизмы клинически определенных личностных дисфункций, страданий и нарушений адаптации. К ним, прежде всего, относятся психологические аспекты самосознания и самоотношения личности, в том числе, осознания болезни, ценностно-смысловой и мотивационной сферы больных, под влиянием которых формируются предопределяющие и отражающие роль жертвы стратегии поведения.

Явление — это внешнее обнаружение сущности, форма ее проявления. В отличие от сущности, которая скрыта от взора человека, явление лежит «на поверхности». Однако, явление не может существовать без того, что в нем является, т.е. без его сущности.

Явление индивидуализировано и происходит в неповторимой совокупности внешних условий. В явлении существенное проявляется вместе с несущественным, случайным

по отношению к сущности. Но в целостном явлении нет случайностей — это система.

Явление может соответствовать своей сущности или не соответствовать ей. Так у группы больных параноидной шизофренией с одинаковой степенью виктимизации и сходным паттерном взаимодействия с социумом может наблюдаться различная степень выраженности нарушений индивидуально-психологических характеристик личности (т.н. внутренних факторов виктимизации). Сущность обнаруживается и в массе явлений (нарушения в эмоционально-волевой сфере при стигматизации, самостигматизации, госпитализме, виктимизации), и в единичном существенном явлении (принятие роли жертвы в рамках виктимогенного процесса) [4, 5, 6].

Виктимизация, как явление, представляет собой совокупность социально-психологических качеств человека в виде дефицита компетентностей и, в целом, потенциала адаптивности, трансформирующегося в социально-дефицитарную уязвимость личности с риском критического социального функционирования.

Феномен виктимизации и как явление, и как сущность, должен быть описан в рамках определенных свойств философских категорий.

1. Объективность категорий. Как формы бытия и как формы мышления все категории - объективны [4, 5]. В рамках онтологии это означает, что виктимизация, как сущность и явление, называет не нами заданные или созданные, но нами познанные, свойства бытия – жизни с психическим расстройством.

В логическом аспекте это означает, что виктимизация, как сущность и явление, не зависит от нашего выбора. Процесс мышления происходит независимо от степени заинтересованности, желания и т.п. Дискурсивное абстрактно-логическое языковое мышление категориально: оно обладает объективной расчлененностью, структурностью, системностью, что соотносится с расчлененностью бытия и практики. Элементами описанной расчлененности являются, собственно, категории. Понятия, обозначающие все категории, вырабатываются в языке, но сами категории существуют до всякого обозначения.

Так в современной размерной парадигме психиатрии происходит отход от понятий облигатной негативной симптоматики параноидной шизофрении, т.н. «дефекта личности», однако, это не отменяет индиви-

дуально-личностных переживаний «жизни с болезнью» и «жизни в болезни» больного, как сущности виктимизации, как не отменяет нарушения социализации (например, в виде высокого уровня инвалидизации и, как следствие, нетрудоспособности, в наиболее молодых слоях населения), как явления виктимизации.

Из объективности категории следует, что категории наиндивидуальны и наднациональны.

Под наиндивидуальностью следует понимать факт того, что основное логическое «устройство» мышления - одно и то же у всех индивидов, общающихся на одном языке. Категории «явление» и «сущность» свойственны трансцендентальному сознанию. Содержание мышления разных людей различно, в нем присутствуют индивидуальные особенности лексики и синтаксиса, но логическая организация (категориальная структура) - одна и та же. Это является необходимым (хотя и не в полной мере достаточным) условием взаимного понимания индивидов.

Наднациональность означает, что мышление всех народов и этносов, говорящих на различных языках, имеющих различную грамматическую структуру, имеют одинаковую категориальную структуру, что обеспечивает, в первую очередь, взаимное понимание людей разных языковых групп.

Аналогичным образом наиндивидуальность и наднациональность обозначает существование виктимизации в разных этнических группах больных шизофренией. Так отказ от термина «параноидная шизофрения» в Японии не отменил виктимизационные явления, свойственные шизофрении, что подтверждается достаточно высоким уровнем нарушений личностного и социального функционирования в данной категории больных [21].

2. Универсальность категорий. Понятие «универсальность» не следует понимать в экстенциональном (объемном) смысле – все категории универсальны в интенциональном (содержательном) смысле. Любая категория делит, «рассекает» универсум надвое. Из этого следует, что все категории носят парный характер: в двух сопряженных понятиях выражается по существу одна категория – и, зачастую, один феномен. Например, понятия «явление» и «сущность» выражают некое одно обстоятельство в бытии и одну структурную

ячейку в мышлении, например, виктимизации больных параноидной шизофренией.

Так, в рамках диалектического закона единства и борьбы противоположностей, виктимизация является как сущностью (существенным свойством), так и явлением (формой проявления) личности больных параноидной шизофренией. Сущность явления и явление сущности виктимизации органично дополняют друг друга и позволяют трансцендентально приблизиться к пониманию внутренней субъективной психологической реальности виктимизированного больного параноидной шизофренией.

3. Априорность категорий. В сформированном сознании эмпирического субъекта категории «сущность» и «явление» не извлекаются из опыта, а предшествуют ему и формируют его. Но и сами они формируются в процессе общественно-исторической практики. Отсюда вытекает, что категориальный строй отражает формы деятельности, но, сложившись, принимает участие (вместе с чувственным материалом) в формировании образа мира (в тех чертах, которые являются общими для всех народов и всех индивидов). В этом заключается главная активная функция категорий. Аспектом этой функции является то, что категории выступают как матрицы понимания [22]. Это означает, что любой новый встречающийся в чувственном или интеллектуальном опыте объект мы стремимся (и вынуждены) «уложить» в наличную сетку категорий. Это происходит стихийно в обыденном сознании, рефлексивно – в научном (например, стремимся узнать причину, понять, необходим он или случаен, частью какого целого является и т.п.). Объект, который не укладывается в сетку категорий, остается непонятым. В этом смысле категории являются базисными структурами сознания [23], а обозначающие их понятия являются, по выражению С.Б. Крымского, сквозными идеями цивилизации, выражающими единство человеческого опыта [24].

Так, со времени Е. Kretschmer шизофрению было принято связывать с «шизоидным», «дефицитарным» складом личности, который в наиболее типичных случаях характеризуется интравертированностью, склонностью к абстрактному мышлению, эмоциональной холодностью и сдержанностью в проявлениях чувств в сочетании с одержимостью в осуществлении тех или иных доминирующих

стремлений и увлечений, приводящие к социальной изоляции. Таким образом, сущностное ядро, как и явление виктимизации больных параноидной шизофренией существовало уже на ранних этапах становления психиатрической науки. В свою очередь, В.А. Абрамовым и соавт. (2016) были разработаны основы социально-психиатрической виктимологии как теории социально-дефицитарного виктимогенеза стигматизированной личности больных шизофренией, формирования и развития т.н. стигматизационного дефекта, дефицита социальных личностных компетентностей, которые определяют формирование виктимной личности, детерминированной психической депривацией, деформирующей межличностные отношения [25]. Создание лингвистического каркаса для априорно существующего феномена виктимизации может послужить в качестве методологической основы исследования сущности и явления виктимизации личности больных с психическими расстройствами, разработки комплекса мер, направленного на девиктимизацию и субъективное личностное восстановление больных параноидной шизофренией.

4. Категории как формы мышления. Конкретная категориальная структура - это «оперативная система» текста, обеспечивающая конституирование смысла, лежащего за пределами предметно-содержательного смысла высказываний. Множество категорий – это множество «опорных пунктов» мысли, на которых мысль может сохранять свою смысловую устойчивость. Однако, их набор не может быть обязательным в различных конкретных текстах. Дело обстоит противоположным образом: разнообразие предметно-содержательных идей и их связей требует разнообразия «набора» категорий, на которые они опираются в каждом конкретном случае. «Игра» ментальных содержаний сопровождается «игрой» категорий.

Так, для познания самости феномена виктимизации больных параноидной шизофренией и для трансцендирования его отражения в матрице социокультурных взаимодействий, ученый определяет как внешнюю сторону виктимизации (социально-демографический анализ, выраженность проявлений негативной симптоматики) – т.е. оперирует категорией «явление», так и познает саму суть (анализ особенностей ресурсных возможностей

личности, интегративных индивидуально-психологических механизмов виктимизации: экзистенциальных ресурсов, субъективации) – «сущность» виктимизации.

5. Категории и язык. Поскольку категории «спрятаны» в языке, естествен вопрос о соотношении категориальной и лингвистической структуры мысли. Любая категория может быть выражена разнообразными лексическими средствами, как отдельными различными словами, так и сочетаниями слов. Для выражения категорий привлекаются (сознательно или бессознательно) также и синтаксические и стилистические средства. Очевидно сходство идей конституирующей роли категорий относительно нашего видения мира и аналогичной функции языка, которая особенно рельефно выступает в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа:

«Категории и формы, изолируемые нами из мира явлений, мы не берем... у этих явлений; совершенно наоборот, мир предстает нам в калейдоскопическом потоке впечатлений, которые организуются нашим сознанием, и это совершается главным образом посредством лингвистической системы, запечатленной в нашем сознании» [26]. «В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе... «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на языковых нормах...» [27].

Можно отметить очевидное сходство с кантовской идеей, что категории не берутся из природы, а, напротив, предписываются ей. Данное утверждение обусловлено тем, что категории и язык в практическом функционировании нераздельны. Всякое языковое выражение содержит категории, а всякая категория действует в форме языковых высказываний.

Но тождества и даже слишком тесной привязанности логики и грамматики языка не существует. Категориальный строй, хотя и реализуется лишь посредством языка, представляет собой особую меру человеческого бытия, отличную от языка.

Категориальное и грамматическое членение мира различаются тем, что последнее более подробно, детализировано, а первое более схематично, общо. С.Н. Булгаков писал, что «язык своими средствами осуществляет потребности мысли, и в этом смысле грамматика – в обеих своих, условно различаемых,

частях и этимологии и синтаксисе, - есть конкретная гносеология и конкретная логика. Гносеологические и логические требования неизменны и всеобщы, это соответствует их формальной природе... Напротив, язык многообразен, и грамматические свойства его, как в грамматике, так и синтаксисе, изменчивы и различны» [28].

Так, виктимология в буквальном смысле означает «учение о жертве». Эта наука изначально развивалась как направление в криминологии, целью которой было изучение жертв преступлений. Однако со временем представления о ней трансформировались, и в современной трактовке виктимология – это общая теория, учение о жертве, имеющая предметом исследования жертву любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями (жертву несчастных случаев, природных и техногенных катастроф, эпидемий, войн и иных вооруженных конфликтов, политических противостояний, а также различных видов насилия, аддиктивного поведения, стигматизирующего поведения). Таким образом, сущность явления виктимизации больных параноидной шизофренией длительное время не подвергалась научному познанию, оставаясь скрытым за лингвистически несовершенным определением виктима – жертвы преступлений.

6. Способы использования категорий. В качестве форм мышления категории функционируют на 3-х уровнях осознанности.

Первый уровень – функционирование осуществляется полностью неосознаваемым образом. Например, когда в языке индивида отсутствуют слова, обозначающие категории. Например, больной параноидной шизофренией не знает слова сущности явления виктимизации, что не мешает ему говорить о своей вынужденной социальной позиции. Это значит, что категории сущности и явления объективно наличны как структурный элемент сознания, но субъективно больной их не фиксирует.

Второй уровень - полурефлективный. Он имеет место тогда, когда у человека есть слова, обозначающие категории, и он их более или менее регулярно и уверенно использует, но никогда не размышлял специально над их смыслом, сознательно не выработал его для себя, пользуется смыслом, стихийно сложившимся в процессе языкового общения. При этом, по мнению М. Хайдеггера, категории

большинством людей «не ощущаются, не узнаются», «будничным рассудок и расхожее мнение ничего не знают и даже ничего не нуждаются знать об этих категориях» [29]. Так, врач психиатр фиксирует «дефект личности» пациента, страдающего параноидной шизофренией, не подвергая анализу сущность дисфункциональной виктимизированной личности больного.

Третий уровень - рефлексивный, полностью осознанный. Он имеет место, когда смыслы слов, обозначающих категории, сформированы сознательно (в процессе изучения философии или посредством собственных систематических размышлений). Конечно, результаты рефлексии могут быть не одинаковыми (категории понимаются по-разному) [30].

Психопатологическое исследование личности больного параноидной шизофренией, таким образом, должно проводиться максимально осознанно, врач психиатр должен обращать особое внимание на выявление особенностей явления виктимности и структуры его существования. Последнего можно достичь путем изучения проекта мира пациента, что предполагает, в свою очередь, выявление экзистенциального априори как смыслового контекста, из которого данная форма существования определяет свой проект мира [31].

Таким образом, функционирование философских категорий «сущность» и «явление» разнообразно как по способам, так и по интенциям. Сознательно, полурефлексивно или рефлексивно эти категории выполняют ряд функций.

1. Они структурируют научную мысль по содержанию, образуя смысловые ячейки, в которых выполняется конкретная содержательная мысль. Это имеет место всегда, но, владея учением о категориях, мы можем сознательно использовать возможности категориального строя.

2. Категории выступают как основание для взаимопонимания в общении между людьми и культурами, а т.ч. – в рамках медицинского (психиатрического) научного сообщества.

3. Категории являются матрицами понимания и оценки смысла нового опыта, в т.ч. – болезненного, отражающего «жизнь с болезнью», «жизнь в болезни» (психическом расстройстве). Этот процесс также может проходить как спонтанно, так и рефлексивно.

4. В философии категории (например, «явление» и «сущность») выступают как системообразующая часть языка того или иного учения. В зависимости от того, какие категории философ признает значимыми, как их понимает, в значительной степени зависит идейное содержание его системы. В психиатрии категории могут являться как каркасным методологическим инструментом научного познания, так и клиническим рефлексивным инструментом практического психологического сопровождения больных.

5. Категориальный строй мышления является объективной основой системного понимания мира, являющегося необходимым для научного познания.

Категории сущность и явление необходимы для выработки правильного представления о процессе познания. Сущность и явление разные, даже противоположные стороны одного предмета, но они находятся в единстве и взаимосвязи. Нет явлений без сущности, нет сущности без ее проявлений. Сущность «является», а явление – «существенно». Изменение сущности определяет изменение явления - вместе с тем сущность обнаруживается в явлениях и не может обнаружиться помимо явления. Явление - это внешнее обнаружение сущности. Сущность как общее не может существовать вне отдельных явлений. Она существует только в отдельном и проявляется через него.

Если явление может быть доступным для непосредственного чувственного восприятия, то сущность доступна лишь для абстрактного мышления. Факт того, что явление и сущность не совпадают, а сущность глубокого скрыта, обуславливает необходимость процесса научного познания и его трудоемкости. Поскольку сущность и явление закономерно и неразрывно связаны, сущность выражается в явлениях, она может быть раскрыта не простым восприятием, а абстрактным логическим мышлением. Например, сущность виктимизации личности больного параноидной шизофренией не может быть обнаружена никакими приборами или экспериментами, однако может быть подвергнута абстрактному логическому познанию, в т.ч. – посредством анализа феномена виктимизации, как явления.

Сущность постигается в результате логического анализа данных чувственного восприятия. Так, характер и сознание

человека, его субъективное мировосприятие увидеть нельзя, однако о них можно судить по его поступкам и поведению в рамках клинической беседы и психологического эксперимента. Познавая сущность тех или иных процессов, наука раскрывает законы, которые ими управляет. Познание происходит векторально от явления к сущности, от внешней стороны - к глубоким закономерным связям. Однако сущность не представляется сразу, в полном, насколько это возможно, объеме, а постигается по частям. Раскрыв определенную сущность, познание идет дальше, от познания сущности первого порядка к познанию сущности второго порядка, более глубокой, и так без конца.

В практической работе психиатра необходимо строго различать сущность психических феноменов (например, виктимизации) и их проявления, стремиться находить сущность и ориентироваться на нее. Социальная инкапсуляция больных параноидной шизофренией при беглом анализе врача-интерниста без стремления постигнуть сущность явления виктимизации может послужить поводом лишь для повторной госпитализации и дальнейшей медикаментозной терапии, укрепляющих сформировавшийся дисфункциональный стереотип поведения жертвы.

Согласно принятому определению категорий, их рассмотрение может (и должно) иметь онтологический и логический аспекты. В первом аспекте категории рассматриваются как характеристики (рубрикации) самого бытия. При феноменологическом подходе несуществен вопрос о том, что такое бытие, как его понимать, бытийность представляется как тождественность трансценденции. Важно только то, что феноменологически нашему мышлению преддано нечто внешнее,

отличное от самого мышления. Однако ни тождество мысли и предмета, ни первичность того или другого, на экзистенциальном уровне, лично, вовсе не фиксируется, а является выводом теоретической спекуляции. Субъективно же (феноменологически) предметный мир противостоит мышлению как именно его предмет. И в этом смысле можно говорить о его рубрикации в категориях в отличие от рубрикации самого мышления (его структуризации категориями). Следствием этого является и возможность восприятия феномена виктимизации категориально независимо от вопроса, что чем детерминировано – свойства виктимизации свойствами категорий мышления или свойства категорий мышления свойствами феномена. Это мотивировано тем, что собственно дело теории категорий – прежде всего логический анализ категорий, представление их как элементов философской логики, хотя, разумеется, полностью обойти вопросы онтологического аспекта невозможно и неразумно.

Виктимизация является модификацией основоструктуры существования конкретного индивида, страдающего параноидной шизофренией - сущности, проекта мира как конституируемого экзистенциальным априори смыслового контекста, определяющего все сферы бытия индивида и выражается в явлении десоциализации [31]. Таким образом, сущность явления виктимизации больных шизофренией лежит в механизмах социально-психологической деформации личности, связанных с осознанием себя жертвой, что представлено явлением сущности виктимизации в виде неполноценной социализации и риском утраты субъективного статуса, социальной инкапсуляцией, «жизнью с болезнью» и парциальной или тотальной депривацией личности [25].

Бойченко А.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ВИКТИМИЗАЦИИ БОЛЬНЫХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ «СУЩНОСТЬ» И «ЯВЛЕНИЕ»

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, ДНР

В статье рассматривается феномен виктимизации через философские категории явления и сущности, представлено описание в рамках определенных свойств философских категорий. Делается вывод, что виктимизация является модификацией основоструктуры существования конкретного индивида, страдающего параноидной шизофренией - сущности, проекта мира как конституируемого экзистенциальным априори смыслового контекста, определяющего все сферы бытия индивида и выражается в явлении десоциализации. В практической же работе психиатра рекомендуется различать сущность психических феноменов (например, виктимизации) и их

проявления, стремиться находить сущность и ориентироваться на нее. Социальная инкапсуляция больных параноидной шизофренией при беглом анализе врача-интерниста без стремления постигнуть сущность явления виктимизации может послужить поводом лишь для повторной госпитализации и дальнейшей медикаментозной терапии, укрепляющих сформировавшийся дисфункциональный стереотип поведения жертвы.

Ключевые слова: виктимизация, параноидная шизофрения, сущность, явление, философские категории

Boychenko A.A.

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE VICTIMIZATION PHENOMENON
OF PATIENTS WITH PARANOID SCHIZOPHRENIA
THROUGH THE PHILISOPHICAL CATEGORIES OF «ESSENCE» AND
«PHENOMENON»

State educational institution of higher professional education
«M. Gorky Donetsk national medical university», Donetsk, DPR

The article considers the phenomenon of victimization through the philosophical categories of phenomena and essences, provides a description within the framework of certain properties of philosophical categories. It is concluded that victimization yavlyaetsya modifikatsiyey osnovnoy punktoy uscheptvovaniya konkrtnogo individual stpadayuscheho paranoidnoy shizofpeniye - uschnosti, ppoekta mira like konstituiuemogo ekzistentzialnym appiopi smyclovogo konteksta, oppedelyayuscheho vse cfepy being of the individual and expressed in desotsializatsii phenomenon. In practice, the psychiatrist recommends distinguishing the essence of mental phenomena (for example, victimization) and their manifestations, try to find the essence and relate to it. During a quick analysis, social encapsulation of painful paranoid schizophrenia can only serve for repeated hospitalization and further medication for diarrhea,.

Keywords: victimization, paranoid schizophrenia, essence, phenomenon, philosophical categories

Литература

1. Абрамов В.А. Постструктурализм и психиатрия: археология знания М. Фуко. Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2019; 1(45): 5-13.
2. Платонов Г.В. Марксистско-ленинская философия как методология общественных и естественных наук. М.; 1972. 20.
3. Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат; 1983. 320.
4. Книгин А.Н. Учение о категориях. Учебное пособие для студентов философских факультетов. Томск; 2002. 166.
5. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: URSS; 2011. 288.
6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Институт философии АН СССР; 1960. 234.
7. Гегель Г. Наука логики. Кн.3 (Субъективная логика), раздел 2 (Объективность). М.: Primedia E-launch LLC; 2017. 280.
8. Гегель Г. Философия духа. Сочинения, т.III. М.: Primedia E-launch LLC; 2017. 270.
9. Райл Г. Категории. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; 1999. 408.
10. Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во ТМИ, 1973. 430.
11. Платон. Сочинения в трех томах. Том 3. М.; 1972. 687.
12. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо; 2006. 448.
13. Спиноза Б. Этика. М.: Азбука; 2012. 352.
14. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль; 1988. 668.
15. Лейбниц Г. В. Сочинения, в четырёх томах. Том 2. «Новые опыты о человеческом разумении». Серия: Философское наследие. М.: Мысль; 1983. 686.
16. Кант И. Критика...* Отд.2 Трансцендентальная логика, Книга 2, гл. 3, разд.4.

17. Гегель Г. Наука логики: Кн.1 (Учение о бытии), отд.1, гл.1, п. А и примечание в п. С; Кн. 2, отд.2, гл. 1 (Существование) – до п. а.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений, т. 25, ч. 2. М.; 384.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. М.; 227.
20. Бойченко А.А. Методологические подходы к оценке механизмов виктимизации больных шизофренией. Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2016; (36): 62 – 72.
21. Mitsuhiro Sado, Ataru Inagaki, Akihiro Koreki et al. The cost of schizophrenia in Japan. Neuropsychiatr Dis Treat. 2013; 9: 787–798.
22. Степин В.С. Социо-культурная обусловленность эвристической функции философии в научном познании. Ленинская теория отражения как методология научного познания. Минск; 1985: 89-90.
23. Степин В.С. Прогностическая функция философии. Вопросы философии. 1986; 4: 49-51.
24. Крымский С.Б. Логико-гносеологический анализ универсальных категорий. Логико-гносеологические исследования категориального строя мышления. Киев; 1980: 5 – 32.
25. Абрамов В.А. и др. Шизофрения, стигма, Я: Монография. Донецк: ФЛП Чернецкая Н.А.; 2016: 436.
26. Уорф Б.Л. Грамматические категории. – В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.; 1972: 235.
27. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.; 1993: 233.
28. Булгаков С.Н. Философия имени. Б/г.: Изд. КаИр: 1997: 109.
29. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика; 1993. 447.
30. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия; 1983. 840.
31. Бойченко А.А., Тахташова Д.Р. Бытие-в-мире как предмет онтологического подхода в психиатрии и базисная теория познания внутреннего субъективного мира личности. Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2017; 4 (40): 74 – 81.

References

1. Abramov V.A. Poststrukturalizm i psikiatriya: arkeologiya znaniya M. Fuko [Poststructuralism and Psychiatry: Archeology of Knowledge M. Foucault]. Zhurnal psikiatrii i meditsinskoi psikhologii. 2019; 1(45): 5-13 (in Russian).
2. Platonov G.V. Marksistsko-leninskaya filosofiya kak metodologiya obshchestvennykh i estestvennykh nauk [Marxist-Leninist philosophy as a methodology of social and natural sciences]. Moscow; 1972. 20 (in Russian).
3. Sheptulin A. P. Dialekticheskii metod poznaniya [The dialectical method of cognition]. Moscow: Politizdat; 1983. 320 (in Russian).
4. Knigin A.N. Uchenie o kategoriyakh. Uchebnoe posobie dlya studentov filosofskikh fakul'tetov [The doctrine of the categories. Textbook for philosophy students]. Tomsk; 2002. 166 (in Russian).
5. Il'nikov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» K. Marksa [Dialectics of the abstract and indefinite in K. Marx's «Capital»]. Moscow: URSS; 2011. 288 (in Russian).
6. Il'nikov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii [Dialectics of the abstract and the indefinite in scientific and theoretical thinking]. Moscow: Institut filosofii AN SSSR; 1960. 234.
7. Gegel' G. Nauka logiki. Kn.3 (Sub'ektivnaya logika), razdel 2 (Ob'ektivnost') [Science of logic. Book 3 (Subjective logic), section 2 (Objectivity)]. Moscow: Primedia E-launch LLC; 2017. 280 (in Russian).
8. Gegel' G. Filosofiya dukha. Sochineniya, t.III [Philosophy of the spirit. Works, vol. III]. Moscow: Primedia E-launch LLC; 2017. 270 (in Russian).
9. Rail G. Kategorii. Ponyatie soznaniya [The concept of consciousness]. Moscow: Ideya-Press; 1999. 408 (in Russian).
10. Sagatovskii V. N. Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategorii [Fundamentals of the systematization of universal categories]. Tomsk: Izd-vo TMI, 1973. 430 (in Russian).
11. Platon. Sochineniya v trekh tomakh. Tom 3 [Works in three volumes. Volume 3]. М.; 1972. 687 (in Russian).

12. Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. Moscow: Eksmo; 2006. 448 (in Russian).
13. Spinoza B. Etika [Ethics]. Moscow: Azbuka; 2012. 352 (in Russian).
14. Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomakh: T. 3 [Works in three volumes: Vol. 3]. Moscow: Mysl'; 1988. 668 (in Russian).
15. Leibnits G. V. Sochineniya, v chetyrekh tomakh. Tom 2. «Novye opyty o chelovecheskom razumenii» [Compositions, in four volumes. Volume 2. «New experiments on human intelligence»]. Seriya: Filosofskoe nasledie. Moscow: Mysl'; 1983. 686 (in Russian).
16. Kant I. Kritika... * Otd.2 Transtsendental'naya logika, Kniga 2, gl. 3, razd.4 [Criticism ... * Dep. 2 Transcendental Logic, Book 2, Ch. 3, sect. 4] (in Russian).
17. Gegel' G. Nauka logiki: Kn.1 (Uchenie o bytii), otd.1, gl.1, p. A i primechanie v p. S; Kn. 2, otd.2, gl. 1 (Sushchestvovanie) – do p. a [Science of Logic: Book 1 (The Doctrine of Being), Dep. 1, Ch. 1, p. A and note in p. C; Prince 2, Dep. 2, Ch. 1 (Existence) - to item a] (in Russian).
18. Marks K., Engel's F. Polnoe sobranie sochinenii, t. 25, ch. 2 [Complete Works, Vol. 25, part 2]. Moscow; 384 (in Russian).
19. Lenin V.I. Poln. sobr. soch., t. 29 [Complete Works, Vol. 29]. Moscow; 227 (in Russian).
20. Boichenko A.A. Metodologicheskie podkhody k otsenke mekhanizmov viktimizatsii bol'nykh shizofreniei [Methodological approaches to assessing the symptoms of victimization of patients with schizophrenia]. Zhurnal psikhatrii i meditsinskoj psikhologii. 2016; (36): 62 – 72 (in Russian).
21. Mitsuhiro Sado, Ataru Inagaki, Akihiro Koreki et al. The cost of schizophrenia in Japan. Neuropsychiatr Dis Treat. 2013; 9: 787–798.
22. Stepin V.S. Sotsio-kul'turnaya obuslovlennost' evristicheskoi funktsii filosofii v nauchnom poznanii. Leninskaya teoriya otrazheniya kak metodologiya nauchnogo poznaniya [Socio-cultural condition of the heuristic function of philosophy in scientific knowledge. Leninist theory of reflection as a methodology of scientific knowledge]. Minsk; 1985: 89-90 (in Russian).
23. Stepin V.S. Prognosticheskaya funktsiya filosofii [The predictive function of philosophy. Questions of philosophy]. Voprosy filosofii. 1986; 4: 49-51 (in Russian).
24. Krymskii S.B. Logiko-gnoseologicheskii analiz universal'nykh kategorii. Logiko-gnoseologicheskie issledovaniya kategorial'nogo stroya myshleniya [Logical and epistemological analysis of universal categories. Logical and epistemological studies of the categorial structure of thinking]. Kiev; 1980: 5 – 32 (in Russian).
25. Abramov V.A. i dr. Shizofreniya, stigma, Ya: Monografiya [Schizophrenia, stigma, I: Monograph]. Donetsk: FLP Chernetskaya N.A.; 2016: 436 (in Russian).
26. Uorf B.L. Grammaticheskie kategorii [Grammatical categories]. – V kn.: Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya. M.; 1972: 235 (in Russian).
27. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow; 1993: 233 (in Russian).
28. Bulgakov S.N. Filosofiya imeni [Philosophy of the name]. Belgorod: Izd. KaIr: 1997: 109 (in Russian).
29. Khaidegger M. Vremya i bytie [Time and Being]. Moscow: Respublika; 1993. 447 (in Russian).
30. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: Sov. entsiklopediya; 1983. 840 (in Russian).
31. Boichenko A.A., Takhtashova D.R. Bytie-v-mire kak predmet ontologicheskogo podkhoda v psikhatrii i bazisnaya teoriya poznaniya vnutrennego sub"ektivnogo mira lichnosti [Being-in-the-world as a subject of ontological psychiatry and the basic theory of knowledge of the innternal subjective world of the person]. Zhurnal psikhatrii i meditsinskoj psikhologii. 2017; 4 (40): 74 – 81 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.09.2019